

27. Heracles to Alexander 2011: Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy / A. Kottaridi (ed.). Oxf.
28. Kountouri E. 2011: The Mycenaean Presence in Macedonia: New Evidence from the Region of Emathia // Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy / A. Kottaridi (ed.). Oxf., 59–66.
29. Kremydi-Sicilianou S. 2007: Μακεδόνων Πρώτης Μερίδος: Evidence for a Coinage under the Antigonids // RN. 163, 91–100.
30. Kremydi-Sicilianou S. 2009: The Tauropolos Tetradrachms of the First Macedonian Meris: Provenance, Iconography and Dating // Κεραμία φιλίας. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου. Τ. Α'. Αθήνα, 191–201.
31. Mari M. 2008: The Ruler Cult in Macedonia // SE. 20, 219–268.
32. Miller S.G. 1988: The *Theorodokoi* of the Nemean Games // Hesperia. 57, 147–163.
33. Musgrave J., Prag A.J.N.W., Neave R., Lane Fox R., White H. 2010: The Occupants of Tomb II at Vergina: Why Arrhidaios and Eurydice must be Excluded // International Journal of Medical Sciences. 7(6), 1–15 (www.medsci.org/v07p00s1.htm).
34. Palagia O. 2008: The Grave Relief of Adea, Daughter of Cassander and Cynnana // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza / T. Howe, J. Reames (eds.). Claremont (Ca.), 195–214.
35. Palagia O. 2010: Philip's Eurydice in the Philippeum at Olympia // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.). Oxf., 33–41.
36. Romm J. 2013: [Rev.] A Companion to Ancient Macedonia. 2010; Brill's Companion to Ancient Macedonia. 2011 // CW. 106, 3, 539–541.
37. Stieber M. 2006: Further Thoughts on εὐστυλος in Euripides' I.T., Vitruvius, and a Late Fifth-century B.C. Inscription from Vergina (SEG 46 (1996) 830) // Philologus. 150, 1, 28–37.
38. Tarn W.W. 1913: Antigonos Gonatas. Oxf.
39. Touratsoglou Y. 1993: The Coin Circulation in Ancient Macedonia (ca. 200 B.C. – 268–286 A.D.). The Hoard Evidence. Athens.
40. Tzalas H.E. 2007: Bronze Statues from the Depths of the Sea // Great Moments in Greek Archaeology / P. Valavanis (ed.). Los Angeles, 342–363.
41. Ziafalias A., Helly B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhèbie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // SE. 24, 71–125.
42. Zahrt M. 2006: Amyntas III: Fall und Aufstieg eines Makedonenkönigs // Hermes. 134, 127–141.
43. Τσιμπίδου-Αυλωνίτη Μ. 2005: Μακεδονικοί τάφοι στον Φοίνικα και στον Αγίο Αθανάσιο Θεσσαλονίκης. Αθήνα.

Ю.Н. Кузьмин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, международного права
и зарубежного регионоведения
Самарского филиала Московского городского
педагогического университета

© 2014 г.

Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome. Ed. by C. Steel, H. van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. XI, 401 p.*

Сборник статей «Общество и общественная коммуникация: ораторское искусство и политика в республиканском Риме» составили материалы Международной конференции, прошедшей в Оксфорде (Великобритания) в сентябре 2010 г. Организаторами конференции и редакторами сборника выступили К. Стил и Г. ван дер Блом, которые в настоящее время работают в университете Глазго над проектом «Фрагменты сочинений римских ораторов эпохи Республики» (Fragments of

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ по проекту № 91 в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ

the Republican Roman Orators; FRRO). Констатируя возросший интерес исследователей к проблеме определения роли народа в политической жизни Римской республики, редакторы сборника отмечают: попытки «примирить» сосуществование в ней «демократического» и «аристократического» элементов привели к тому, что внимание ученых сфокусировалось на коммуникации между элитой и массами и на тех институтах, которые выступали площадкой такой коммуникации. Особенно много усилий было в последнее время направлено на изучение *contiones* (с. 1).

Действительно, именно этот вид общественных собраний, впервые подробно исследованный в монографии Ф. Пина Поло¹, привлекает самое пристальное внимание очень многих специалистов, которые сегодня занимаются изучением политической системы Римской республики. Упомянутая оксфордская конференция и рассматриваемый сборник – важная веха в изучении *contiones*. Из 19 статей издания большая часть либо непосредственно посвящена этому институту, либо отсылает (хотя бы и «между делом») к результатам его изучения. Таким образом, структура и содержание сборника являются хорошей иллюстрацией тезиса о том, что изучение политической коммуникации в Риме эпохи Республики в современных исследованиях очень часто оказывается тесно сопряженным с анализом *contiones*.

Редакторы сборника Стил и ван дер Блом справедливо замечают, что хотя значение речей в *contiones* для римской политической жизни теперь признано в историографии, остается неясным, насколько эти выступления в действительности влияли на ход событий. Задачу издания редакторы видят прежде всего в том, чтобы восполнить этот пробел (с. 2).

Объем сборника, разнообразие рассматриваемых в нем сюжетов, насыщенность содержания позволяют в рамках короткой рецензии только обозначить основные выводы, сделанные авторами статей. Тем не менее по поводу ряда важных положений, которые содержатся в первых статьях, посвященных более общим вопросам, необходимо будет дать хотя бы краткий комментарий.

Издание включает пять разделов. Первый из них – «Граждане, публичные речи и римская *res publica*» – открывается концептуальной работой К.-Й. Хёлькескампа (с. 11–28). Автор рассматривает известный сюжет о том, как Цезарю удалось усмирить взбунтовавшихся воинов X легиона подчеркнутым обращением к ним – «*Quirites*». По мнению исследователя, Цезарь таким путем не только «вернул» мятежных солдат к статусу не находившихся на военной службе, но также демонстративно разорвал связи между ними и собой (с. 13–14). Эффективность смены формы обращения обеспечивалась, однако, не только опасениями легионеров лишиться выгод службы Цезарю. Они осознавали себя гражданами, понимали символическое значение различных форм обращения к ним, а также могли считать легитимными притязания Цезаря на восстановление его *dignitas* и их собственной *libertas* путем вооруженного выступления против преступной *factio rausorum*. Воины Цезаря, – хотя вряд ли когда-либо задумывались над значением и происхождением понятия *Quirites*, – конечно, помнили о том, что так обращаются к гражданам во время проведения *comitia* и *contiones* (с. 14–17).

Хёлькескамп переходит далее к общей характеристике конций. По его мнению, коммуникация – их единственная функция, на что указывают и значения самого слова *contio*. В такой политической культуре, где собрание граждан представляло собой и публичный форум, и институт принятия решений, речь перед собравшимися на сходку становилась наиболее важным инструментом коммуникации. По мысли Хёлькескампа, поскольку «публика» в таких условиях была тождественна всему обществу, постоянно применялось то, что он называет «риторикой акцентированного прямого обращения» (*rhetoric of emphatic direct address*), которая находила выражение не только в публичных речах, но и в письменных жанрах, искусстве, многочисленных церемониях, городском ландшафте. Неслучайно в одной из знаменитых эпитафий встречается фраза «*consol censor aidilis quei fuit apud vos*» (с. 17–19).

Важной функцией такой риторики было создание и поддержание тесной взаимосвязи, консенсуса между оратором и аудиторией. И *contio* как собрание, и *contio* как речь были направлены на его достижение. По Хёлькескампу, функционирование конций было основано на «конструировании» и «подтверждении» римской идентичности. Обращение «*Quirites*» даже к той толпе, которая состояла из случайно выбранной части городского плебса, ветеранов, вольноотпущенников или вовсе из рабов, означало, что к ним апеллировали всегда как к римлянам и как к гражданам. Более того, участники *contiones* представляли весь римский народ (*stand for the whole of the citizen body and the populus Romanus at large*), обладавший *maiestas* и *dignitas*, что демонстрирует, например, обращение Л. Лициния Красса, консула 95 г. до н.э., к собравшимся на сходку: «Не заставляйте нас рабствовать кому-либо, кроме всех вас вместе (*vobis universis*), кому служить мы и можем и должны» (Cic. *De orat.* I. 225; пер. Ф.А. Петровского). Или показывают многочисленные случаи упоминаний в речах в *contiones* «вашего» *imperium*, «вашей» *res publica* и т.п. (с. 19–20).

¹ Pina Polo 1989.

На мой взгляд, участники *contiones* могли представлять римский народ, однако аудитория конций при этом не признавалась тождественной всему *populus Romanus*, что необходимо учитывать при оценках «идеологической значимости» этих собраний. Обращение «*Quirites*», конечно, показывает, что слушатели в *contiones* рассматривались как граждане, как часть народа, но, в отличие от комичий, репрезентативность аудитории конций всегда могла быть поставлена под сомнение. Так, Цицерон сходит, когда она выступает в его пользу (является «настоящей сходкой»), называет местом, где можно увидеть реакцию римского народа (Sest. 106–108), но здесь же говорит о том, что *contio* и римский народ – не всегда одно и то же (Sest. 114, 127). Кроме того, если принять, что аудитория всякой отдельной *contio* считалась представлявшей весь *populus Romanus*, то не вполне ясно, какая *contio* представляла *populus* в случае проведения нескольких одновременных *contiones*².

Согласно Хельескампу, оратор являлся «архитектором» консенсуса, но и аудитория не была пассивной, а выступала активным участником достижения согласия. Взаимозависимость сторон подчеркивалась претензией оратора на то, что он служит квинтам, защищает именно их интересы. В то же время уже сама по себе форма обращения к аудитории подчеркивает дистанцию и особую «асимметрию» между ее положением и положением оратора, что Хельескамп называет «риторикой осознанного снисхождения» (*rhetoric of self-conscious condensation*), «риторикой наставления» (*rhetoric of admonition*) и иллюстрирует, в том числе, известным *exemplum* Сципиона Назики (Val. Max. III. 7. 3: «*Tacet, quaeo, quirites! Plus ego enim quam vos quid rei publicae expediat intellego*») (с. 21–24). По мысли Хельескампа, консенсус между оратором и аудиторией в *contiones* заключался в признании распределения ролей между субъектами политической жизни. Так, *officium* магистратов – реализация решений сената, *officium* народа – поддержка лучших предложений и избрание достойных (с. 25).

Однако не следует ли из этих рассуждений Хельескампа то, что в рамках нарисованной идеальной картины активное участие аудитории в достижении консенсуса между ней и оратором должно было признаваться представителями элиты только до того момента, пока аудитория соглашалась быть пассивной, т.е. безропотно внимать тем, кто стоял на трибуне, и соглашаться с той ролью, которую ей готовы были предоставить? Может ли быть названа политическим консенсусом ситуация, при которой одна сторона всегда сразу «сдавала» свои позиции?

Еще один элемент функционирования *contiones* – «риторику идеологического вовлечения» (*rhetoric of ideological inclusion*) – Хельескамп иллюстрирует «Второй речью против Катилины» Цицерона. В ней знаком единения участников конций служит употребление оратором «мы», обозначающего согласие между «я» (оратор, магистрат, член нобилитета) и «вы» (слушатели на сходке). Это согласие базируется на наследии *maiores*, а *mos maiorum* включает в себя признание иерархии и *auctoritas*. Такого рода риторика была включена и в процедуру *contiones*, ход которых председательствующий магистрат контролировал не в меньшей степени, чем проведение комичий (с. 25–27).

Хельескамп заключает, что асимметрия, жесткая иерархия ролей в политической жизни отражают идеологию меритократии (*merit and reward*), признание превосходства лидеров, способность рядовых членов общества следовать за ними и уважать их. Обращение к *populus Romanus* в *contio* – «*Quirites*» (или «римляне, сограждане и друзья»; шекспировское «*friends, Romans, countrymen*») – в той же степени концептуализация такой асимметрии, как и ее камуфляж (с. 28).

Работа Хельескампа, безусловно, представляет огромный интерес, однако у читателя может сложиться впечатление о том, что автор, ставя задачу выявить реальные «механизмы работы» тех инструментов, которые использовались ораторами для убеждения аудитории (формулировка обращения к слушателям), в результате предлагает реконструкцию идеальных представлений римской элиты о том, как должна строиться политическая коммуникация посредством *contiones*.

Иначе к вопросам риторики и идеологии *contiones* подходит Р. Морстейн-Маркс (с. 29–47). В своей статье американский исследователь обращает внимание на выступление Цицерона в *contio* против аграрного законопроекта Рулла. В независимости от того, существовала или нет угроза применения вето враждебным Руллу трибуном, успех речей Цицерона сыграл свою роль в провале предложения. Данный эпизод иллюстрирует «коммуникативную власть» элиты, основанную на притязаниях оратора на обладание знанием, которое было недоступным для рядовых граждан. Вместо сопоставления альтернативных предложений аудитории предлагалось оценить авторитет и честность самих лидеров. Кроме того, возможность выступить перед согражданами почти всегда реализовывалась только сенаторами (с. 29–31).

² *Gell. N.A. XIII. 16: Ea re, qui eorum primus uocat ad comitiatum, is recte agit, quia bifariam cum populo agi non potest nec auocare alius alii potest. Set si contionem habere uolunt, uti ne cum populo agant, quamuis multi magistratus simul contionem habere possunt.*

Однако Морстейн-Маркс задается далее (на мой взгляд, совершенно оправданно) следующим вопросом: не является ли эта «коммуникативная власть» римской элиты вымыслом самой элиты, например, образ послушного и уступчивого *populus* в сочинениях Цицерона – в значительной степени всего лишь неким идеалом? Для поиска ответа исследователь предлагает на время оставить в стороне рассмотрение того, что было в принципе возможным, а внимание обратить на то, что было обычным. Ведь иначе можно привести и показательные примеры вселивия элиты (как случай с законопроектом Рулла) и продемонстрировать, как это делает израильский ученый А. Якобсон, яркими пассажами случаи успеха «популярных» инициатив, принятых вопреки сопротивлению сената. Вопрос, – полагает Морстейн-Маркс, – не в том, было ли то и другое возможным, вопрос в том, насколько часто (с. 32–33). Как мне представляется, если не упускать из виду то, что состояние источниковой базы для любых подобных подсчетов не такое, как того хотелось бы, все же они необходимы, поскольку могут дополнить (но не заменить) анализ отдельных хорошо документированных эпизодов. Можно согласиться с Морстейн-Марксом в том, что в рассматриваемом случае выводы, полученные путем исследования «ярких» примеров, по поводу которых источники передают много подробностей, иногда неоправданно предпочитают тем обоснованным умозаключениям, которые можно сделать, рассматривая события, хуже обеспеченные показаниями источников (с. 33).

Итак, Морстейн-Маркс дает перечень законов, которые были приняты, несмотря на очевидную оппозицию сената, и обсуждает сложности, возникающие в процессе составления такого перечня. Всего в период ок. 140–50 гг. до н.э. Морстейн-Маркс насчитал чуть больше трех десятков случаев того, что он называет «успешное подтверждение суверенитета народа» (с. 33–37). Исследователь заключает, что римский народ вряд ли можно назвать «послушным» в указанный период. По имеющимся сведениям, примерно каждые три года происходило такое «подтверждение суверенитета» – даже чаще, чем сопоставимое явление в современной политической жизни, когда избирательная кампания заканчивается «выдворением негодяев» из власти (election that ‘throws the rascals out’). Случаи преодоления оппозиции сената распределены, конечно, неравномерно в период 140–50 гг. до н.э., но отсутствие таковых эпизодов в отдельные десятилетия выглядит скорее нарушением нормы (с. 37).

Морстейн-Маркс признает, что данный результат заставляет его самого пересмотреть возможности применения по отношению к Республике понятия «олигархия». «Почтительный плебс», который описан Ливием и Цицероном, скорее был легитимизирующим идеологическим конструктом, чем феноменом реальной политической жизни. Нередко предкомициальные *contiones*, даже в условиях «иерархичной коммуникативной ситуации» и «монополии элиты на санкционированное публичное выступление», не приводили к ожидаемому организаторами результату (с. 38–39).

Случаи «успешного подтверждения суверенитета народа» Морстейн-Маркс объединяет в три группы: 1) ограничение распорядительной (дискреционной) власти сената – 14 эпизодов; 2) предоставление материальных выгод плебсу – 10; 3) защита прав и власти народа – 7. Таким образом плебс чаще тогда добивался успеха, когда пытался перераспределить полномочия между институтами, а не получить материальные преференции (с. 39–40).

По мнению автора, «идеологическая автономность» плебса действительно наблюдается. Создавался запрос на тех лидеров, которые были готовы защищать требования народа в обмен на его поддержку, *honos* и *existimatio*. Однако существовали границы того, на что готовы были пойти плебс и его лидеры: в рассматриваемом перечне нет законов, направленных на радикальные преобразования конституции в сторону ее «демократизации». Причины этого Морстейн-Маркс видит прежде всего в том, что только члены элиты выступали в *contio*, а они не были готовы поставить под удар те преференции, которые сами же получили от сложившейся системы, и рассчитывали получать в будущем. Поэтому критика могла быть направлена на *pauci potentes*, «завладевших сенатом», но не на сенат как институт (с. 40–43). На мой взгляд, это предположение может помочь и в объяснении того обстоятельства, что неконтролируемая политическая коммуникация за пределами магистратских конций порождала, как пишет В. Ниппель, «почти невротическую» (almost neurotic) реакцию элиты³.

Морстейн-Маркс приходит к выводу, что идеология народного суверенитета сосуществовала с идеологией патернализма элиты: плебс действительно нередко торжествовал над сенатом, но никогда не доходило дело до конструирования «альтернативы» существовавшему политическому порядку (с. 43–44). Легитимность республиканского строя (источником которой был не сенат, а народ) сохранялась до тех пор, пока путем голосования, т.е. в рамках сложившейся системы, реализовывались чаяния плебса. Конфликт на одном уровне (по поводу политических прав или фундаментальных экономических нужд) не приводил к конфликту на другом уровне (по поводу «патерналистской институциональной структуры») и даже был интегральной частью и необходимым условием стабильно-

³ Nippel 2003, 27.

го существования Республики. Возможно, – резонно заключает Морштейн-Маркс, – Макиавелли был прав, и в действительности не консенсус, а конфликт делал Римское государство сильнее (с. 46–47).

Тему анализа основ устройства политической системы Республики с точки зрения функционирования *contiones* продолжает статья М. Йене (с. 49–62). Автор задается вопросом: что получали участники конций от посещения этих собраний, в чем состоял их интерес (с. 49–50)?

По наблюдению Йене (которое, как кажется, подтверждается и отмеченными выше подсчетами Морштейн-Маркса), присутствие рядовых граждан в *contiones* было крайне редко связано со стремлением получить прямую материальную выгоду и нечасто – с необходимостью защитить или расширить свои политические права. Йене считает, что обычный слушатель на сходке был движим в основном иными мотивами (с. 50–53).

Отмечая, что для ответа на вопрос о том, что же делало привлекательным участие в *contiones*, недостаточны «общие умозаключения» о риторике *contiones* (такие, как упомянутый тезис Хелькескампа о «риторике вовлечения» – *rhetoric of inclusion*), Йене пишет, что нужно попытаться выяснить реальное положение дел и с этой целью анализирует речь Цицерона о Манилиевом законе. Хотя народ уже был явно настроен в пользу этого законопроекта, Цицерон все же подробно аргументирует его необходимость. Ни один из приводимых им доводов не содержит ясных указаний на ту прямую выгоду, которую получит от закона какой-нибудь лавочник, стоявший перед рострами. Цицерон вместо этого акцентирует внимание на *gloria* и *dignitas* римского народа, которые закон позволит защитить и преумножить, и на необходимости позаботиться о *res publica* (с. 53–56).

Йене пишет, что хотя обычно народ следует за *auctoritas* лучших, в случае Манилиева закона, согласно Цицерону, *principes* должны последовать за *auctoritas* народа (который в данной ситуации видит, что будет лучше для Республики). Однако в то время, как не только сенат в целом, но и каждый сенатор обладает «своей» *auctoritas*, народ имеет лишь «коллективную» *auctoritas* («отдельно взятый» лавочник ею, конечно, не обладал). Именно в этой конструкции Цицерона Йене видит объяснение мотивов посещения *contio* рядовыми гражданами: только участвуя в подобных «политических ритуалах», они приобретали *auctoritas*, только в этом случае к ним обращались с просьбой принять окончательное решение, только тогда им говорили, как важно их мнение, от которого зависят даже самые выдающиеся сенаторы. Поэтому, по мысли Йене, *plebs contionalis* можно назвать «статусной группой» (*status group*), воплощавшей (*embodied*) римский народ и обладавшей коллективной *auctoritas* (с. 56–60).

Таким образом, согласно немецкому исследователю, роли участников *contiones* были строго разграничены. Попытки отдельных рядовых слушателей продемонстрировать не коллективную, а свою собственную *auctoritas*, представляли угрозу для сложившейся системы. Йене ссылается на известный сюжет о Скаптии, *auctor cupiditatis*, о котором повествует Ливий в рассказе, посвященном разрешению Римом спора между Ардеей и Арицией (Liv. III. 71. 2–72. 5). Скаптий, хотя был рядовым плебеем, забыл свою роль слушателя, предложил на сходке собственное решение, которое основывалось на стремлении к материальной выгоде и, будучи принятым, нанесло в итоге урон римской общине⁴. В обычном же случае народ, придя на сходку, внимал тому, кто заслуженно приобрел индивидуальную *auctoritas*, и слушал его, с удовольствием принимая «комплименты» от столь выдающегося человека (с. 60–62)⁵.

Общий вывод Йене выглядит в целом весьма убедительным: рядовые граждане, вероятно, могли стремиться участвовать в конциях ради возможности ощутить себя «статусной группой». Однако не вполне ясно, были ли они так же, как и представители элиты, убеждены в том, что всегда только сенаторы обладали индивидуальной *auctoritas*. Как справедливо отмечает сам Йене, не существовало закона, запрещавшего рядовому гражданину выступить в *contio* (с. 60–61). Кроме того, если говорить об эпизоде со Скаптием, Ливий в своем рассказе отмечает, что разрешение произнести речь на сходке Скаптий получил от плебейских трибунов. Его действия были, таким образом, санкционированы, более того, в итоге его «предложение» было поддержано голосованием народа. Как бы негативно ни относились к этому исходу сенаторы, как бы ни выбивался он из их представлений о допустимом, и в независимости от того, насколько историчным является сам спор и посредничество римлян, принятое решение в традиции, отраженной в сочинении Ливия, все же мыслится обязательным к выполнению (Liv. IV. 7. 5: *iudicium populi rescindi ab senatu non posse*). Наконец, если Ливий приводит этот *exemplum*, то, может быть, подобная ситуация когда-то могла возникнуть в действительности и необходимо было предупредить о ее недопустимости? Конечно, этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

⁴ См. также статью Йене, специально посвященную этому эпизоду: Jehne 2011.

⁵ Об *auctoritas* ораторов в *contiones* см. также недавние статьи Пина Поло (2010; 2012).

Первая часть сборника завершается статьей Х. Мауритсена, который изучает феномен распространения содержания публичных речей в письменном виде (с. 63–82). Начавшись с Катона Старшего, практика записи выступлений в *contiones* широко распространилась в I в. до н.э. и оказала заметное воздействие на обучение ораторскому искусству. Мауритсен интересуется, что привело к постепенному изменению мотивации для публикации речей. Стремление сохранить содержание публичного выступления для себя путем его записи сменилось желанием решать таким путем задачи политической пропаганды. Причины исследователь видит в самом институте *contiones*, который до сих пор вызывает много споров, отчасти из-за противоречивости источников, отчасти из-за противоречивости самого учреждения: несмотря на то что на сходках не принималось решений, несмотря на случайность и нерепрезентативность их аудиторий, они все же являлись чрезвычайно важными для политической элиты. Мауритсен солидаризируется с теми учеными (в частности с Хелькескампом), которые полагают, что аудитория *contio*, в независимости от ее реального состава, всегда признавалась *populus Romanus* (always held the official status as the *populus Romanus*)⁶. Именно поэтому особенно важно для ученого выяснить, кто в действительности мог посещать эти собрания, служившие единственным «официальным пространством» (*official setting*) произнесения публичных речей, инструментом обнародования решений магистратов и сената (с. 64–69).

Мауритсен повторяет и дополняет высказанные им ранее⁷ аргументы в пользу того, что хотя прямых свидетельств источников недостаточно для реконструкции социального состава аудиторий *contiones*, косвенные указания свидетельствуют о наполнении народных сходок, как правило, именно представителями элиты и близких к ней кругов. Участие массы рядовых граждан в *contiones* оказывалось возможным тогда, когда политиками (особенно в конце Республики) предпринимались специальные, даже чрезвычайные, меры для привлечения сторонников, когда прибегали к услугам организаторов толпы (*contionum moderatores*), или же в тех случаях, когда в политической борьбе напрямую затрагивались интересы широких масс (с. 69–74). Как видно, Мауритсен иначе, чем Йене (и ряд других исследователей), определяет состав аудиторий сходок, и уже поэтому по-другому решает вопрос о том, что определяло заинтересованность слушателей в участии в *contiones*. Согласно Мауритсену, если политиками не предпринимались особых усилий по привлечению сторонников, то все же именно прямая материальная заинтересованность очень часто оказывалась основным стимулом прихода рядовых граждан на сходку, потому что чаще только тогда они вообще появлялись на таких собраниях. Если принять трактовку Мауритсена, то из нее, видимо, следует, что лишь для элиты, тех, кто обладал *otium*, основное значение могли иметь другие стимулы, отмеченные Йене.

Мауритсен пишет, что в эпоху Поздней республики *contiones* практически всегда поддерживали своих организаторов; противоборствующие позиции защищались перед совершенно различными аудиториями на отдельных сходках. Состав участников конций не обязательно совпадал с составом участников последующих комиций. С кем и ради чего в таком случае представители римской элиты стремились взаимодействовать путем созыва *contiones*? По мысли Мауритсена, это были *boni*, которых он характеризует как часть элиты (а не отдельный «средний класс»). *Boni* были экономически существенно менее благополучны, чем сенаторы и всадники, но разделяли стиль жизни и ценности последних и были заинтересованы в сохранении существующего порядка. Поддержка с их стороны являлась очень важной для политиков, так как *boni* имели широкие социальные и экономические связи с массой остальных граждан. В большинстве случаев именно на *boni* были нацелены выступления в *contiones*, которые эти люди вполне могли часто посещать. Лишь в особых случаях состав участников мог существенно расширяться за счет тех, кто к *boni* не принадлежал (с. 74–78).

Мауритсен усматривает противоречие между «идеологическим значением» *contiones* (место коммуникации магистратов и *populus Romanus*) и их функционированием в качестве вполне реального и практически значимого политического средства (место коммуникации магистратов и *boni*). Развитие в эпоху Поздней республики практики организации *contiones* изначальных сторонников, увеличение опасности столкновений на этих собраниях привели к тому, что сходки уже не являлись «форумом значимого политического обмена» (*forum for meaningful political exchange*). Именно в этих условиях возрастает значение речей в письменной форме. В таком виде информация могла быть донесена до более широкого круга людей, чем аудитория одной *contio*, правда, только среди грамотных представителей элиты. Даже они (включая и сенаторов, проживавших подолгу вне Рима, и местную италийскую элиту) теперь часто не могли непосредственно участвовать в *contiones*. Как показывают письма Цицерона и его Филиппики, организация проведения *contio* с целью сделать прошедшее собрание

⁶ То есть не только представляла его, но и считалась им? Ср.: «абстрактный *populus*, на практике представленный небольшими, более-менее случайными толпами» (*abstract populus, in practice impersonated by small, more-or-less random crowds*) (С. 78).

⁷ Mouritsen 2001, 38–62.

предметом обсуждений, а также последующая публикация речи становились более важными, чем сама сходка и взаимодействие с ее аудиторией. При триумвирах значение *contiones*-собраний еще заметнее снизилось; одновременно важнее стали «памфлеты» и другие способы пропаганды. Однако смена средства коммуникации не изменила адресата: им продолжала оставаться та относительно узкая социальная группа, для обращения к которой, по мысли Мауритсена, и созывались всегда *contiones* (с. 78–81). Расширение практики публикации *contiones* Мауритсен предлагает рассматривать в качестве попытки создания «виртуальной арены политического собрания» взамен реальной и видит в этом явлении один из симптомов общего кризиса Римской республики (с. 81–82).

Как видно, Мауритсен существенно иначе, чем большинство других авторов, определяет обычный состав аудиторий *contiones*. Не вдаваясь в обсуждение этого положения (неоднократно критиковавшегося исследователями), хотелось бы отметить: не кажется само собой разумеющимся то, что «адресат» *contiones*-собраний и записанных речей был одним и тем же. Если, например, у Цицерона в какой-то момент отсутствовала возможность выступить на сходке перед «широкой аудиторией», он мог попытаться через публикацию речей в письменной форме обратиться хотя бы к *boni*.

Начиная со второй части издания («Стратегия и тактика публичных выступлений») акцент чаще делается на более частных вопросах изучения политической коммуникации в Риме, причем, конечно, не только посредством *contiones*. Остановимся только на самых основных положениях, высказываемых авторами.

Г. Флауэр в своей работе (С. 85–100) показывает, как Тиберий Гракх смог мобилизовать большие группы граждан, проживавших вне Рима, благодаря использованию «локальных связей» (*local networks*), дополнявших *contiones* (недоступные многим и в первую очередь – жителям Италии). Конечно, Тиберий выступал на сходках, возможно, гораздо чаще других трибунов своего времени. *Contiones* были чрезвычайно важны для него. Однако те, чьи голоса обеспечили принятие его законопроекта, в большинстве не могли слышать эти выступления и должны были принять решение явиться в Рим, уже имея сложившееся мнение об инициативах трибуна. Флауэр обращает внимание на то, что многочисленные члены сельских триб уже до того, как Тиберий внес свои предложения, прибыли в Рим и смогли оставаться в нем долгое время, пока, несмотря на все отсрочки, закон не был принят.

По мнению автора статьи, знаменитый трибун вполне эффективно использовал возможности донесения информации до сторонников не только в начале, но и в конце срока исполнения своих обязанностей. Он не только успешно мобилизовал сельских жителей в момент, когда они могли оставить свои дома, но и, столкнувшись с трудностями привлечения этих людей в период сбора урожая, смог организовать других сторонников (иначе почему его оппоненты были вынуждены применить против него насилие?). Флауэр обращает внимание на свидетельства об огромной толпе, сопровождавшей Тиберия незадолго до его гибели. Как он смог заручиться поддержкой стольких последователей? Автор статьи акцентирует внимание на упоминании *catà mèros* в сочинении Аппиана, в том пассаже, где сообщается об агитации городского населения Тиберием. По ее мнению, это указание не на убеждение каждого в отдельности (хотя такая интерпретация дается в распространенных английских переводах Аппиана, она выглядит, по мысли Флауэр, нереалистичной, учитывая те размеры, которых достиг Рим в 133 г. до н.э.), а на убеждение неких частей, «подразделений» городского населения. В этих «подразделениях» автор статьи видит *visi* и *collegia* (с. 85–100).

Особенно интересными выглядят предположения Флауэр о том, как «технически» могла осуществляться такая «локальная» политическая коммуникация. Хотя, как отмечает исследовательница, можно предположить, что перед собравшимися на местных рынках или собраниях (*local markets or gatherings*) могли зачитываться некоторые речи, чаще, вероятно, имели место более простые политические обращения: «поддержите это предложение, поскольку оно в ваших интересах», «проголосуйте за этого кандидата, поскольку он достойный человек» и т.д. (с. 100).

Тема политической активности плебейских трибунов продолжается в статье Э. Рассел, которая проанализировала сведения о публичных выступлениях этих должностных лиц в период 121–82 гг. до н.э. (с. 101–115). Рассел предлагает рассматривать их деятельность с учетом, прежде всего, стремления трибуна, активно выступающего с роств, выделиться среди остальных своих коллег. Политические позиции всех трибунов были особыми. Их нельзя свести, например, к «просенатской» и «антисенатской». Конкурируя между собой, трибуны создавали «новые идеологические позиции» (*new ideological positions*), собственный образ в *contiones*. Такая конкуренция приводила к постепенному расширению допустимого в политическом дискурсе.

Целый ряд важных проблем изучения *contiones* обсуждается в статье Дж. Тэна, посвященной Публию Клодию (с. 117–132). По мнению Тэна, хотя карьера Клодия сильно выбивается из общего ряда, ее изучение позволяет выяснить, что, в принципе, могло быть достигнуто (и иногда достигалось,

конечно, не только Клодием) при помощи *contiones* (ср. со стремлением Морстейн-Маркса определить не «пределы возможного», а «обычную» практику *contiones*). Гибкость института *contiones* Тэн показывает через анализ двух видов «границ» ('boundaries'): между оратором и аудиторией, между *contio* и другими формами общественной жизни. С одной стороны, по мнению Тэна, Клодий сделал все от него зависящее, чтобы убрать первую из этих «границ»: он созывал сходки чаще, чем его оппоненты, использовал «в большей степени приближенный» к своим слушателям стиль обращения (*more intimate style*), наконец, поощрял объединение своих сторонников в различные организации и ассоциации за пределами *contio*. В результате укреплялась связь между оратором и аудиторией. С другой стороны, когда исчезали «границы» в пределах самой *contio*, «активировались» те «барьеры», которые отделяли *contio* от сената и других пространств политической жизни, за исключением коллегий и *vicī* («границы» между ними и *contio* также «стирались»). Активно созывая *contiones*, Клодий оказался заинтересован в том, чтобы повысить значение самого этого института. Действия Клодия (используемые им возможностями коллегий и *vicī*) приводили к тому, что к моменту созыва самой сходки ее участники уже выступали как «единое целое» с оратором (*uniformly supportive contiones*). Поэтому, как отмечает Тэн, не оратор убеждал слушателей на сходке, а оратор и «его» сходка вместе пытались воздействовать на всех остальных.

В работе Дж. Татума (с. 133–150) делается попытка объяснить, почему в ходе предвыборных кампаний в античном Риме *contiones* занимали так мало места. Для победы кандидаты должны были прикладывать все усилия, так как редко выборов был известен заранее. Выступления в конциях в число обычных средств достижения электорального успеха не входили, по мысли Татума, скорее, не по «техническим» причинам, а ввиду принятых норм «аристократического соперничества» (*aristocratic competition*). Однако использовались другие средства агитации, связанные с произнесением публичных речей. Татум подробно анализирует в качестве такого средства суды. Строгое ограничение возможностей произнесения кандидатами публичных речей, как и свидетельства об уходе (*evasion*) этого ограничения со стороны некоторых из них (особенно нуждавшихся, как Катон, Марий или Цицерон, не в реализации имевшихся возможностей, а в создании этих возможностей практически «с нуля»), демонстрируют, с точки зрения автора статьи, эффективность выступлений в *contiones*.

Отдельно нужно отметить примечательную характеристику, которую дает Татум свидетельству Цицерона об организации Капилиной *contio domestica* (Cic. Mur. 50). По мысли исследователя, перед нами «яркий оксюморон» (*striking oxymoron*). (Очевидно Татум имеет в виду то, что *contio* – по определению публичное собрание – не могла проводиться в частном доме.) Такое словоупотребление, согласно автору статьи, призвано было вызвать впечатление (*evoke*), будто происходили не частные разговоры, а выступления перед аудиторией, хотя и частной. Татум, указывая на то, что Цицерон повествует об обращении к сторонникам, собравшимся в частном доме, склонен видеть в этом пассаже описание *salutatio* (с. 146–147).

В статье К. Стилл (с. 151–159) подробно рассматривается передаваемый Валерием Максимом рассказ о том, как некий Гельвий Манция, сын вольноотпущенника, в 55 г. до н.э. обвинивший перед цензорами Луция Скрибония Либона (консул 34 г. до н.э.), высказал в ответ на замечания Гнея Помпея свое нелестное мнение и о последнем. Помпей шутит по поводу преклонного возраста обвинителя. Манция, в свою очередь, приводит имена четырех известных людей, которых Помпей казнил во времена Суллы. Манция, названный Помпеем «вернувшимся из загробного мира» для обвинения Либона, использовал этот упрек, как бы свидетельствуя о тех, кто погиб от рук Помпея. Обычно эпизод рассматривается с точки зрения взаимоотношений этого политика с Крассом и Цезарем (Либон – близкий друг Помпея, обвинение Либона – удар по Помпею). Но, возможно, Манция имел и личные мотивы выступить против Либона и Помпея. По мнению Стилл, данный эпизод больше информации дает не о политической борьбе в 55 г. до н.э., а о некоторых особенностях культуры публичных выступлений. Целью источника Валерия Максима было показать неспособность Помпея защитить свою репутацию и отразить обвинения, основанные на критике его действий в прошлом. Сам Валерий Максим использует эпизод как иллюстрацию потенциальной опасности ничем не ограниченной свободы слова (человек низкого происхождения возмнил себя вправе критиковать). Несоответствие между содержанием эпизода и тем, какой смысл придает ему Валерий Максим, – является для Стилл аргументом в пользу того, что сюжет не был им выдуман. Интересен общий вывод, к которому пришла автор статьи: по ее мнению, данный пассаж свидетельствует о том, что иногда для людей из круга более широкого, чем сенаторский, было возможным в ходе подобного неформального обмена репликами критиковать членов элиты и иногда даже одерживать над ними верх (как это удалось Манцию). Согласно Стилл, открытость, доступность признавались важными качествами политиков, осуществлявших свою деятельность публично, но всегда существовал риск попасть в ситуацию, в которой оказался Помпей в рассматриваемом случае.

Третья часть сборника «Суждения и критика» открывается работой Дж. Уиссе, который ставит вопрос о том, кто, с точки зрения римлян, мог быть назван «плохим оратором» (с. 163–194). Уиссе рассматривает контекст, в котором приводятся критические высказывания об ораторах. Исследователь выделяет типичные обвинения в их адрес: неприемлемое поведение, неуместный стиль, злоупотребление шутками и т.д. С одной стороны, «техническая» критика и критика по другим основаниям (моральным и т.п.) различались между собой. Так, Цицерон мог признавать ораторские способности тех, кого по политическим мотивам он явно осуждал. Сами понятия *orator bonus* и *orator malus* указывают обычно на оценки мастерства выступающего, но не на его соответствие каким-либо моральным требованиям. С другой стороны, иногда границы между этими двумя видами критики становились неясными или вовсе стирались.

В центре внимания В. Арена находится проблема взаимосвязи практики убеждения аудитории и содержания трактатов об ораторском искусстве (с. 195–209). Согласно Арена, эти сочинения не только рассматривались в качестве интеллектуальных абстракций, но и применялись как практические руководства. В трактатах Цицерона эмоции аудитории (во многом на них и призвано воздействовать ораторское искусство) не являются помехой, а напротив, выступают неотъемлемой частью «рационального делиберативного процесса» (*rational process of deliberation*). Таким образом, у Цицерона не обнаруживается непримиримой дихотомии между риторикой и рациональным рассуждением (*reason*), которая существует в современной политической культуре. Поэтому, как полагает Арена, затруднительно в качестве средства оценки степени «демократичности» делиберативного процесса в античном Риме применять (как это делает Морстейн-Маркс в своей монографии о *contiones*⁸) современные представления, в частности концепцию рациональной коммуникации Юргена Хабермаса.

Дж. Дагэн на примере «*Pro Marcello*» Цицерона рассуждает о проблеме двусмысленности (*ambiguity*) в публичных выступлениях (с. 211–225). Уже в древности – и вплоть до настоящего времени – обнаруживаются два основных подхода к интерпретации «*Pro Marcello*»: либо это действительно похвала Цезарю, либо скрытая критика в его адрес. Дагэн интересуется, однако, не сам по себе этот вопрос, а традиция его изучения и то, какие методы применялись в ходе его рассмотрения. По мнению Дагэна, интерпретируя тексты, подобные «*Pro Marcello*», исследователи во многом опираются на те методы, которые уходят корнями в риторико-герменевтическую традицию (учет обстоятельств времени написания, контекста анализируемого сочинения или всех работ рассматриваемого автора и т.д.). Однако эти подходы основаны на допущении устойчивости намерений автора, которое, однако, неприменимо к текстам, написанным теми, кто не мог высказать свою позицию открыто и без опасений. Кроме того, намерения автора иногда мало что значили в сравнении с тем, как текст мог воспринять адресат (в случае «*Pro Marcello*» – сам Цезарь). Дагэн отмечает и иные затруднения и в то же время перспективы анализа как самого текста «*Pro Marcello*», так и традиции его изучения.

Четвертая часть рассматриваемого издания, названная «Римляне и не-римляне», начинается со статьи Е. Пагола, анализирующей дипломатические миссии римских *legati* (с. 229–245). *Legatus* выступал прежде всего транспортом *mandata senata*. Насколько можно судить по сохранившимся сведениям (объем и «качество» которых оставляют желать лучшего), в отличие от принятой у греков практики, у римлян приоритетной всегда оставалась не задача убеждения, а необходимость демонстрации власти Рима и требования уважения к лицам, эту власть представляющим (хотя примерно с III в. до н.э. происходила адаптация к традициям «эллинистической модели дипломатии»). Поэтому от римских *legati* ожидался соответствующие жесты и поведение: скорее, последовательность и спокойное достоинство, чем навыки политического маневрирования.

Работа основоположника специального изучения римских *contiones*, Пина Поло, посвящена другой стороне римской дипломатии – выступлениям иностранных посланников в сенате (с. 247–266). Ведение внешней политики всегда находилось в руках этого органа. Известен лишь один случай, когда представитель другого государства (царь Югурта в 111 г. до н.э.) был выведен перед собравшимися в *contio* (исключение, вызванное обстоятельствами внутривнутриполитической борьбы). Пина Поло подробно анализирует порядок и организацию приема послов, их выступлений в сенате, рассматривает те сложности, которые были связаны с языковыми различиями.

Дж. Праг в своей статье (с. 267–283) ставит под сомнение утверждение Цицерона о том, что *quaestiones repetundarum* функционировали в интересах, прежде всего, союзников. Суды по делам о вымогательствах выступали скорее в качестве еще одной арены римской политики, на которой потенциал использования провинциалами клиентских связей с сенаторами-патронами со временем все в большей степени ограничивался обстоятельствами разворачивавшейся здесь же борьбы представителей римской элиты между собой.

⁸ Morstein-Marx 2004, 18–23.

Пятая заключительная часть сборника – «Соперники Цицерона» – включает четыре работы. Первая из них принадлежит К. Розильо Лопес и содержит анализ свидетельств об ораторах, уровень мастерства которых можно назвать, пользуясь формулировкой Цицерона, «средним», «заурядным» (*mediocris*) (с. 287–298). Внимание в статье акцентировано на представителях фамилии Скрибониев Курионов. По мысли Розильо Лопес, «средний» оратор – прежде всего тот, кто смог достигнуть вершин *cursus honorum*, не обладая выдающимися ораторскими способностями.

Фигуре Луция Кальпурния Пизона Цезонина (консула 58 г. до н.э.) посвящена статья ван дер Блом (с. 299–314). В работе показано (на мой взгляд, убедительно), что вполне возможно многое выяснить о карьере и особенностях публичных выступлений не только Цицерона, но и других ораторов, если обратиться к анализу имеющихся свидетельств о них, в том числе (возможных) фрагментов их речей. Так, ван дер Блом приходит к выводу о том, что Пизон, несмотря на негативную характеристику, данную ему Цицероном, в действительности был уважаемым и авторитетным сенатором, который постоянно предлагал пути мирного разрешения возникавших в Республике конфликтов. В основном заметна деятельность этого политика на сенатских заседаниях, а не на судах или в *contiones*. На его примере видно, полагает ван дер Блом, что успешная политическая карьера могла строиться совершенно иначе, чем у Цицерона, и базироваться на сочетании преимуществ знатного происхождения, удачной женитьбы, эффективных (хотя, возможно, и не выдающихся) публичных выступлений и успешного применения приобретенных связей.

Тезис ван дер Блом о том, что анализ фрагментарных свидетельств о других, помимо Цицерона, ораторах эпохи Республики помогает исследователям гораздо лучше понять значение публичных выступлений для политической жизни Рима, успешно подтверждают результаты, полученные А. Бальбо при рассмотрении им особенностей и контекста речей Марка Юния Брута (с. 315–328), и те выводы, к которым пришел Т. Мэхи в статье, завершающей сборник и посвященной оценке Марка Антония как оратора (с. 329–344). Согласно Бальбо, выступления Брута, несмотря на то что некоторыми (включая Цицерона) в целом характеризовались положительно, своей цели нередко не достигали. Антоний, хотя, по-видимому, не имел возможности в полном объеме получить необходимые навыки и знания, часто оказывался, как полагает Мэхи, эффективным оратором как в сенате, так и в *contiones*.

В целом можно заключить, что появление рассматриваемого издания, в котором приняли участие ряд авторитетных исследователей, действительно знаменует новый этап в изучении политической коммуникации в античном Риме. В то же время многие затронутые «старые проблемы», не говоря о впервые сформулированных вопросах, остаются далекими от удовлетворительного разрешения. «Невооруженным взглядом» видны (особенно в статьях более общего характера) существенные различия как в трактовке авторами одних и тех же проблем, так и в выборе самих подходов к их рассмотрению. Безусловно, эту содержательную книгу можно рекомендовать для ознакомления самому широкому кругу специалистов, а также всем тем, кто интересуется историей античного Рима и вопросами политического развития древних социумов.

Литература

1. *Jehne M.* 2011: *Scaptius oder der kleine Mann in der großen Politik. Zur kommunikativen Struktur der contiones in der römischen Republik // Politica antica.* 1, 59–87.
2. *Morstein-Marx R.* 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic.* Cambr.
3. *Mouritsen H.* 2001: *Plebs and Politics in the Late Roman Republic.* Cambr.
4. *Nippel W.* 2003: *Public order in Ancient Rome.* Cambr.
5. *Pina Polo F.* 1989: *Las contiones civiles y militares en Roma.* Zaragoza.
6. *Pina Polo F.* 2011: *Public speaking in Rome: A question of auctoritas // Social relations in the Roman World / M. Peachin (ed.).* Oxf., 286–303.
7. *Pina Polo F.* 2012: *Contio, auctoritas and Freedom of Speech in Republican Rome // Rome, a City and Its Empire in Perspective: The Impact of the Roman World through Fergus Millar's Research / S. Benoist (ed.).* Leiden–Boston–Tokyo, 45–58.

Р.М. Фролов,
кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории, сотрудник Научно-образовательного Центра антиковедения Ярославского государственного университета